

Волокитина Надежда Александровна, Иванов Фёдор Николаевич

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В СКАЗКАХ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX В.

В статье анализируются сказки населения Европейского Севера России (Архангельская и Вологодская губернии) с точки зрения выявления в них реалий военной службы в Российской империи конца XVIII – XIX в. и последующей реконструкции сформировавшегося у населения образа военной службы. Кроме того, рассматривается тема взаимоотношений между военнослужащими и мирным гражданским населением, нашедшая свое отражение в сказках народов исследуемой территории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 43-48. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

18. О постройке хлебного элеватора в Барнауле // Жизнь Алтая. 1912. 24 августа.
19. Правила по эксплуатации зернохранилищ Государственного банка. СПб.: Типография Товарищества «Орбита», 1913. 116 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 33.
21. Сборник по мелкому кредиту / сост. С. В. Бородаевский. Пг.: Типография редакции периодических изданий министерства финансов, 1915. 642 с.
22. Труды Второго западносибирского съезда представителей учреждений мелкого кредита в г. Томске (22-24 июня 1913 года). Пг.: Типолитография «Сила», 1914. 304 с.
23. Число и сумма ссуд, выданных учреждениям мелкого кредита на постройку зернохранилищ и на улучшение хозяйства (долгосрочные ссуды) на 1 янв. 1915 г. // Вестник мелкого кредита. 1915. № 37. С. 1586-1587.

STATE BANK ROLE IN GRANARIES NETWORK DEVELOPMENT IN WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Bocharova Tat'yana Anatol'evna, Ph. D. in History

Altai Institute of Agro-Industrial Complex Heads and Specialists Further Training
kh-tanja@yandex.ru

The article reveals the forms of granaries construction funding in Western Siberia by the State Bank. Special attention is paid to the projects of constructing the state-owned network of grain elevators by the State Bank and granaries by small credit institutions at the expense of special long-term loans from the State Bank. The article estimates the role of the State Bank in the development of Western Siberia infrastructure at the beginning of the XXth century.

Key words and phrases: State Bank; bread-pledge transaction; elevators of State Bank; credit cooperative society; cooperative granaries.

УДК 94(47):398.21:355"17/18"

Исторические науки и археология

В статье анализируются сказки населения Европейского Севера России (Архангельская и Вологодская губернии) с точки зрения выявления в них реалий военной службы в Российской империи конца XVIII – XIX в. и последующей реконструкции сформировавшегося у населения образа военной службы. Кроме того, рассматривается тема взаимоотношений между военнослужащими и мирным гражданским населением, нашедшая свое отражение в сказках народов исследуемой территории.

Ключевые слова и фразы: военная служба; Европейский Север России; сказки; фольклор; историческая память.

Волокитина Надежда Александровна, к. культурологии

Иванов Фёдор Николаевич, к.и.н.

Сыктывкарский государственный университет

anjis@rambler.ru; fedor-ivanoff@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В СКАЗКАХ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX В. ©

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01201
«Восприятие армии и военной службы населением Европейского Севера России в XIX – начале XX в.».*

С появлением в России регулярной армии и установлением обязательной службы в её рядах воинская повинность стала оказывать значительное воздействие на жизнь нашей страны. Особенно заметно это влияние было в XVIII-XIX вв., когда в ходе модернизации происходил постепенный переход от традиционного к аграрно-индустриальному типу общества. Система комплектования вооруженных сил, основанная на том или ином типе воинской повинности, является государственным институтом, и одним из важных направлений в исследовании действий государственной власти является определение степени его влияния на население и рефлексии на происходящее со стороны тех, на кого обращены целенаправленные усилия государства.

Цель исследования заключается в реконструкции сформировавшегося у населения Европейского Севера России образа военной службы в конце XVIII – XIX в. по сведениям, сохранившимся в народных сказках. Для этого необходимо выявить и проанализировать содержащиеся в сказках данные о практике набора в армию, продолжительности военной службы, особенностях прохождения службы в армии, армейских чинах, вооружении, поведении солдат в армии и вне её и отношении гражданского населения к солдатам. Поскольку в качестве источника используются народные сказки, речь в статье пойдет о том образе военной службы, который сложился у представителей податных сословий Европейского Севера Российской империи.

«Солдатчина» в России еще с петровских времен была заметным явлением в жизни народа, естественно, она нашла свое отражение и в сказках населения Европейского Севера России. На данный момент выявлена 31 сказка, содержащая информацию о службе в армии. Все сказки записаны на территории Архангельской и Вологодской губерний, 14 были записаны на территории Коми края (Усть-Сысольский, Яренский уезды Вологодской губернии и Мезенский (впоследствии – Печорский) уезды Архангельской губернии) [6; 12-14; 18-23; 25]. В данных сказках сохранилось много деталей, связанных с военной службой, в частности указания на продолжительность службы, военные чины, использовавшиеся в армии оружие и амуницию и т.д. Рассматриваемые сказки относятся к жанру волшебных, авантюрно-новеллистических или бытовых. Среди бытовых значительную часть составляют так называемые «солдатские» сказки, где главным героем является солдат.

Сказки являются достаточно специфическим историческим источником. В сказках отражаются народные представления, воззрения, психология и культурные стереотипы народа, который их создал. Формирование образа армии и солдата в устном народном творчестве связано, в первую очередь, с действовавшей системой комплектования и с условиями военной службы. В XVIII – третьей четверти XIX в. русская армия комплектовалась на основе рекрутской повинности, которой подлежали только представители податных сословий (мещане, рабочие и цеховые и «разного прозвания») крестьяне – государственные, помещичьи, удельные и другие) и наиболее включенная в общегосударственные процессы часть населения (на Европейском Севере России – русское население и коми-зыряне). Рекрутская повинность носила общинный характер, сами рекрутские наборы длительное время проводились нерегулярно и по мере необходимости войск в новом пополнении, но в XIX в. система проведения наборов была значительно упорядочена. Уходившие на службу рекруты исключались из своей общины, с ними прощались, как с покойниками – навсегда. Не удивительно, что тяжёлая рекрутская повинность рассматривалась населением России как бедствие, наравне с неизбежными природными катаклизмами. Военная служба вырывала вчерашнего сельского жителя или городского обывателя из его привычной культурной среды, менялось его мышление и поведение, внешний вид, он становился частью регулярной армии, занимавшей в Российском государстве особое место и стоявшей вне общества [4, с. 82-84]. В 1874 г. рекрутчина была заменена более прогрессивной сословной воинской повинностью, которой подлежали представители уже всех сословий, повинность имела личный характер, а сами наборы проводились ежегодно. Новобранцы после непродолжительной (в сравнении с прежней рекрутчиной) службы возвращались домой, а сама военная служба из прежней тяжелой повинности стала постепенно трансформироваться в общественной жизни в своеобразный институт инициации юношей [9]. Всё это предопределяло двойственное положение солдата в глазах населения, поскольку он, с одной стороны, являлся представителем народа, исполнявшим царскую службу и тяжелую повинность, а с другой – был представителем внешней и даже враждебной по отношению к народу силы – государства.

Военная служба начинается с набора в армию, данной процедуре в сказках уделено мало внимания, такие сведения есть всего в двух сказках. Наиболее подробно процедура расписана в коми сказке «Учитель свиной», где главный герой Иван все же попал в солдаты, несмотря на свою явную негодность к службе, поскольку в тексте говорится, что «этого в солдаты не возьмут», так как «в солдаты глупых не берут, выбирают поумнее, комиссия и доктора едут на это» [13, д. 14, л. 23]. Еще в одной сказке – «Ночные пляски» – упоминается, что из трех крестьянских сыновей был взят всего один [21, с. 345-351]. В самом деле, с 1776 г. новых солдат набирали специальные комиссии – рекрутские присутствия, с 1874 г. – присутствия по воинской повинности. В них входили офицеры, чиновники и врачи, последние в своей работе руководствовались утвержденным перечнем болезней, освобождавших от службы. Однако современники отмечали, что медицинское освидетельствование было зачастую формальным, и люди с болезнями в армию все-таки попадали [8, с. 63-69]. В то же время в течение одного набора (как по рекрутской, так и по новой, сословной, повинностям) власти не могли за один раз брать на службу в армию больше одного человека из семейства.

После завершения процедуры приема в армию начиналась армейская служба. Во многих сказках содержится четкое указание на её продолжительность – 25 лет, что очень показательно, поскольку такой срок существовал достаточно продолжительное время в 1793-1834 гг. Вообще же, вплоть до конца XVIII века рекрутская повинность была пожизненной, и только в 1793 г. срок службы нижних чинов был определен в 25 лет, в 1834 г. он был сокращен по всей армии до 20 лет службы в строю (15 лет в частях первой линии, затем 5 лет в резервных войсках) и 5 лет последующего пребывания в запасе – так называемом «бессрочном отпуске». После Крымской войны 1853-1856 гг. общий срок службы нижних чинов был сокращен до 15 лет, из них 12 (позже – 10) приходилось на действительную службу, остальные 3 года (затем – 5 лет) – на «бессрочный отпуск». Ко времени введения «Устава о воинской повинности» 1874 г. фактический срок службы под знаменами стал еще меньше – 7 лет. По Уставу 1874 г. общая продолжительность военной службы определялась в 15 лет, из них действительная служба основной массы новобранцев, становившихся пехотинцами, – 6 лет и 9 лет в запасе, во флоте и специальных родах оружия продолжительность пребывания в действующей армии была иной [1, с. 77-81; 16, с. 130, 132-133]. В последующие годы сроки службы также неоднократно изменялись. Тем не менее в сказках зафиксирован срок службы именно в 25 лет, что было чуть менее средней продолжительности жизни в стране в XIX веке.

В самой армии существовала жесткая иерархическая лестница должностей и чинов, и это также нашло отражение в сказках. В текстах упоминаются «солдат» («солдаты»), «фельдфебель», «прапорщик», «полковник», «офицеры» и «генералы». Наиболее часто упоминаются, естественно, солдаты, поскольку во всех сказках они выступают основными или второстепенными персонажами. В России до 1874 г. использовалось

общее наименование «солдаты» для нижних чинов, таких как чины рядового, ефрейтора, младшего и старшего унтер-офицеров, фельдфебеля (с 1874 г. официально они чаще назывались нижними чинами). На втором месте по частоте упоминаний находится «генерал», причем чаще всего он выступает в роли отрицательного персонажа. В сказках под «генералом» понимается общее сокращенное наименование лиц, имевших чины генерал-фельдмаршала, генерал-майора, генерал-лейтенанта, генерала от кавалерии, генерала от инфантерии и т.д. Необходимо упомянуть, что в сказках Вологодской губернии не упоминаются такие чины, как генерал, офицер, фельдфебель, полковник, в отличие от сказок, записанных на других территориях. В целом сюжеты о военной службе в сказках Вологодской губернии проявлены достаточно слабо по сравнению с другими территориями Европейского Севера России. В сказках народа коми представлены, пожалуй, самые подробные сведения об армии изучаемого периода [5]. Здесь упоминаются некоторые армейские должности (ротный писарь, московский командир и «главнокомандующий над всеми» [13, д. 14, л. 24, 27, 39]), приводятся сведения о количестве и составе войск (рота солдат [6, с. 161] и полк [Там же, с. 33]), сведения о вооружении российской императорской армии (шашка, наган, револьвер, сабля [13, д. 14, л. 26], ружье, винтовка [6, с. 111]), описываются детали униформы и амуниция (шинель [6, с. 161, 194; 13, д. 14, л. 29], «генеральский мундир» [6, с. 187], погоны [13, д. 14, л. 29], эполеты [6, с. 112]), различные виды деятельности, связанные с армией («инспекторский смотр» и «полевой суд» [13, д. 14, л. 28, 42], караул [6, с. 111]), и т.д. С другой стороны, в сказках из собрания Н. Е. Ончукова, записанных в Архангельской губернии, сохранились имена собственные, в частности упоминается «Первого Пехотного полка полковой писарь Пётр Петров» [18, с. 108], «два солдата деревни Анцифоровской Марьинской волости (Дмитрий Ильин и Яков Филимонов)» [Там же, с. 295]. Упоминание таких подробностей нехарактерно для коми сказок и сказок, записанных на территории Вологодской губернии.

Кроме того, из интересных деталей можно упомянуть рассказ о «Верном генерале царя», который в коми сказке «Нестер Малапович» выступает в роли второстепенного отрицательного персонажа. О нем говорится, что он «от мужиков дорос до Верного генерала» [20, с. 427]. Возможность нижним чинам выслужиться до генеральских чинов в России существовала еще с эпохи правления Петра I, хотя периодически она заметно урезалась отдельными правителями. После производства выходцев из нижних чинов в офицеры их повышение до чина капитана шло стандартным для всех обер-офицеров порядком, в следующие чины выше капитана они производились только при особых заслугах [26].

Боевая подготовка и порядки, царившие в императорской армии, показаны в сказках с довольно-таки неприглядной стороны. Очень показательна в данном отношении коми сказка «Учитель свиной», главный герой которой солдат Иван после 13 лет службы, взяв отпуск, по дороге домой обыгрывает одного генерала в карты и женится, благодаря хитрости, на дочери другого генерала, а придя в родное село, заявляет, что «его послали сюда свиной учить», за что потом дадут чин генерала. Еще и уточняется, что «пришел закон обучить свиной, от царя такой закон» [13, д. 14, л. 30]. Ивану удастся обучить свиной, и при встрече с царем Иван говорит: «Здесь вы двадцать пять лет учите солдат, меня самого тринадцать лет учили. У меня глаза есть, рот есть, уши есть, а научить не могут. А я за три месяца бессловесных животных, свиной научил, всем командам научил, и все исполняют». Этим обстоятельством царь был доволен и попросил сделать парад свиной: «Свиной, братец, задрали рыла как один, смотрят на царя... А тут все иностранные, все генералы глаза плят» [Там же, л. 41]. В результате главный герой стал «первым министром, после царя первым человеком» [Там же]. Конечно, в сказке прямо высмеиваются глупость власть предержащих, нецелесообразность их деятельности, армейская муштра и преклонение армейских чинов перед мундиром. Вероятно, здесь идет речь также о неприятии населением основ воинской службы того времени, а именно длительного срока службы, поскольку указывается, что научиться азам можно не за 25 лет, а буквально за несколько месяцев.

В сказках также встречаются интересные указания на методы обучения и наказания, царившие в армии данной эпохи. В двух сказках – «Рога» и «Иван-солдат» [21, с. 139-146, 340-345] упоминаются розги как воспитательное средство для нижних чинов. В сказке «Иван-солдат» напрямую заявлено, что в армии использовались физические методы обучения и наказания: «Жил-был солдат. Ему учение шло худо. Прежде мучали, били, стегали» [Там же, с. 139]. В этой же сказке офицер, пытаясь уговорить солдата нарушить договор с Головной (зачарованная принцесса) и вернуться, говорит, что более «бить не будем, притеснять» [Там же, с. 140]. В целом в этих двух сказках сюжетная линия развивается за счет бегства солдат со службы, которая им опостышела, соответственно, основные события и волшебные приключения происходят с ними в бегах. Вообще же, в первой половине XIX века дезертирство и побег были распространенным явлением в российской императорской армии того времени из-за тяжелых условий службы [10, с. 21-22]. Не удивительно, что некоторые солдаты искали лучшей участи. В сказке «Рога» солдат Мартышка, став впоследствии министром в другом королевстве, воплотил, по-видимому, мечты всех простых солдат: «...повел по-своему; приказал он шить на солдат шинели и мундиры из самого царского сукна, что и офицеры носят, да и прибавить всем солдатам жалование – кому по рублю, кому по два – и велел им перед каждою вытью пить по стакану вина и чтобы говядины и каши было довольно» [21, с. 343]. Необходимо признать, что сказки точно отражают внутреннее состояние русской армии XVIII-XIX вв. Военные расходы отнимали значительную часть доходов государственного бюджета России, но и этих значительных сумм для армии было явно недостаточно. Так, в 1840-е годы военный бюджет составлял внушительную цифру – около 70 миллионов рублей, но на одного солдата, с учетом издержек военного министерства на управление и снабжение, в год расходовалось около 57 рублей, или всего 4,75 рубля в месяц [17, с. 344]. Естественно, что таких денег было недостаточно

для организации хорошего питания солдат и обеспечения их быта на должном уровне. В войсках и в мирное время была повышенная смертность из-за тяжелых условий службы, плохого питания и неудовлетворительного медицинского обслуживания, что нашло отражение и в сказке «Тебе сын, а мне пасынок», в которой сына главных героев – старика и старухи – забрали в солдаты, и он помер на службе [23, с. 278]. Смерть и побеги рекрутов во время пути с места приема были достаточно частыми явлениями, особенно в XVIII веке [7, с. 437-454; 11, с. 18, 66]. По подсчетам Ю. Ф. Прудникова, в XVIII – начале XIX в. для русской армии было «характерно наличие постоянного хронического некомплекта формально в 8-10, а фактически в 15-20%... штатного состава» [7, с. 14]. В XIX в. ситуация изменилась незначительно, смертность военнослужащих сокращалась медленно [10, с. 20-22].

Служилые, которые все же оставались в армии, могли получить поощрение за свою беспорочную длительную службу. В сказке «Учитель свиней» говорится, что «через десять лет отпуск давали, на месяц, домой съездить», и указывается, что «от царя закон такой есть» [13, д. 14, л. 24]. Это соответствовало действительно, поскольку солдаты Российской императорской армии имели право на отпуск в мирное время. Такая возможность предусматривалась, в частности, Воинским уставом о полевой пехотной службе 1797 г. [3, с. 205]. Со временем порядок предоставления отпуска менялся, например, в 1856 г. в мирное время отпуск предоставлялся на срок от 28 дней до 6 месяцев. В комической сказке «Солдат и покойница» указывается, что «захотел солдат дома побывать, стал проситься, и отпустили его на месяц» [6, с. 410].

Помимо права на отпуск старослужащие солдаты могли получить особый знак отличия – нашивку на левом рукаве мундира, но быть удостоенным им могли не все. В сказке «Про солдата и его сумку» отставной солдат дважды повторяет присказку: «Служил я царю двадцать пять лет, а не выслужил и двадцати пяти реп, и никакой на рукаве нашивки нет!» [23, с. 261]. Солдатская присказка про длительную службу без награды очень интересна. В 1825 г. в русской армии для нижних чинов были введены нашивки за «беспорочную службу»: за 10 лет службы полагалось нашивать на левый рукав выше локтя шеврон из желтой тесьмы углом вниз, за 15 лет – два, за 20 лет полагалось три такие нашивки. В 1826 г. для отличия нижних чинов, добровольно оставшихся на сверхсрочную службу, был введен шеврон из золотого галуна на левом рукаве мундира, нашивавшийся ниже шевронов за беспорочную службу, с 1840 г. нижним чинам, добровольно оставшимся на сверхсрочной службе, вместо одного шеврона полагалось нашивать по одному шеврону за каждые последующие 5 лет службы [24, с. 122, 164]. Служба в николаевской армии была довольно-таки тяжелой из-за необходимости в точности исполнять стремившиеся регламентировать все мелочи уставы и постоянной муштры, так что заслужить нашивки за «беспорочную службу» было делом нелегким, хотя и возможным. Более того, при царивших в армии суровых нравах и строгом военном законодательстве этих нашивок можно было достаточно легко лишиться. В соответствии с утвержденным в 1839 г. Военно-уголовным уставом в случае приговора солдата к телесному наказанию с него в обязательном порядке снимались все нашивки за беспорочную службу, кроме того, лишение нашивок было одним из дополнительных видов взысканий, которые могли в исправительных целях применить к нижним чинам их полковые командиры [Там же, с. 201, 205]. Следовательно, служба главного героя сказки сложилась крайне неудачно – он не только не вырос в чине, но ему даже не удалось получить шевроны за 25 лет своей службы. В последнем случае единственной наградой солдата после отставки стал новилый увольнительный билет, который упоминается в сказке «Как солдат подвел скупого мужика и злого царя» под названием «военный билет»: «Как же ты, – говорит солдат царю, – хочешь мне голову отрубить, когда я честно прослужил тебе 25 лет? Вот посмотри мой билет!» [25, с. 209].

Еще один важный аспект, который нашел отражение в текстах сказок, – это отношение населения к военнослужащим. В сказках, где солдат является главным действующим лицом, он чаще всего выступает положительным героем, рядовые в сказках описываются как находчивые, бесстрашные и сметливые, могут обмануть смерть, провести чертей, отгадать сложные загадки и т.д. Такая характеристика характерна для трех сказок, которые относятся к жанру волшебных. Например, в сказках «Настасья Прекрасная», «Солдат и смерть», «Сказка про солдата и его сумку», записанных в Вологодской губернии, главные герои – солдаты – получают именно такие характеристики. Так, в сказке «Настасья Прекрасная» главный герой разгадывает сложные загадки Настасьи-царевны, выполняет ее поручения, обманывает чертей, получает в итоге все царство. Помимо этого, солдатик в указанной сказке описывается и как «очень красивый», в него влюблены и генеральская дочь, и Марья-царевна [14, с. 141-145]. Такая характеристика в сказках встречается реже, поскольку зачастую героями «солдатских сказок» являются уже отставные солдаты в летах. Заметно, что главным героям сказок – солдатам – по сюжету слишком легко все дается, без каких-либо проблем они добиваются успеха в карьере в другом королевстве, получают богатство, обманывают сатану и саму смерть, отгадывают сложнейшие загадки. Но это, скорее всего, обусловлено жанром проанализированных сказок, поскольку это достаточно обычное дело для волшебных или авантюрно-новеллистических сказок.

В сказках бытовых отношение к солдату уже не столь позитивное, а в сказках, где рядовые выступают персонажами второстепенными, оно скорее негативное, как, например, в сказке «Емельян Кабакевич», где солдат оставил главного героя погибать в болоте [25, с. 195]. В двух сказках – «Глупый народ» и «Как солдат бабу крестил», которые являются вариациями распространенного сюжета, хитрый солдат обманывает и обкрадывает глупую бабу (старуху) [23, с. 84-85]. В комической сказке «Поп и два солдата» служилые также характеризуются не с лучшей стороны, они обманывают попа, пьют на дармовщинку [6, с. 202-204], а в сказке «Мужик и четыре попа» солдат описывается как дурак, пьяница, и в итоге становится убийцей [Там же, с. 315-317].

С другой стороны, негативное отношение к служивым можно проследить и в сказках, где они являются главными персонажами. В сказке «Иван бессмертный» солдату отказывают в ночлеге в одной из деревень: «никто прохожего не пускает» [21, с. 481]. Интересно и то, что зачастую по сюжету сказки главный герой до службы был никчемным, и по этой причине его отдадут в армию, как это и произошло в сказке «Рога» [Там же, с. 340-345]. Вообще же, подобная практика «исправления» в армии ненужных и опасных для общины людей (неплательщиков налогов, «непрочных хозяев», хулиганов, воров, пьяниц) была чрезвычайно распространена в России в годы существования рекрутской повинности. Всё это говорит об отношении населения к службе в армии в эту эпоху.

Упоминается в сказках Европейского Севера России и тема приспособления отставных солдат к мирной жизни после службы. В «Сказке про солдата и его сумку», когда солдат заходит в деревню и просится переночевать, ему отказывают, в результате солдат ночует в доме, где гуляют черти [23, с. 261]. Это косвенно указывает на недоверие, которое испытывало мирное население к солдатам, хотя зачастую они были выходцами из крестьянской среды. Длительная военная служба способствовала окончательному разрыву связей с семьями, и, естественно, это не способствовало затем адаптации к мирной жизни после окончания службы. Интересно, что в сказке «Солдатская загадка» прямо говорится, что из сына, отданного на службу, «вышел brave солдат и все к нему с почтением» [22, с. 310]. А в сказке «Каша из топора» старуха, которая пустила переночевать солдата, говорит: «Мой сын тоже служил, да вот не знаю только где» [25, с. 206]. Здесь проявляется еще одна интересная деталь, поскольку известно, что рекрутов изначально стремились лишить «всех связей семейных и родственных» и оторвать от привычных условий жизни, так как считалось, что они мешают ему переносить тяготы военной службы. Для этого рекрутские партии отправляли в отдаленные от мест приема губернии.

В целом отношения солдат и местного гражданского населения в России были не всегда самые лучшие. С одной стороны, для населения была тяжела постоянная повинность. С другой стороны, солдаты имели небольшое жалование, их плохо и скудно кормили, они были оторваны службой от мирной прежней жизни. Выход нижними чинами находился легко – грабеж и притеснение гражданского населения. Русское военное законодательство XVIII-XIX вв. уделяло очень серьезное внимание наказаниям за такого рода преступления.

Как можно видеть, сюжеты о военной службе хотя и представлены в сказках населения Европейского Севера России, но не занимают в них значительного места. Наибольшее число таких сюжетов встречается в сказках народа коми, они же отличаются насыщенностью деталями, характеризующими многие стороны военной службы. Подобное внимательное отношение к военной службе можно объяснить тем, что представителям народа коми приходилось сложнее адаптироваться к службе, которая проходила в иноязычной среде. Наименьшее число деталей содержится в сказках русского населения Вологодской губернии. Общим для сказок Европейского Севера страны является практически полное отсутствие данных о процедурах набора в армию, сама же военная служба представлена в сказках достаточно подробно, имеются интересные детали (срок службы, чины и должности, нравы и порядки в армии, качество снабжения солдат продовольствием и др.). Однако необходимо отметить, что на подробность содержания сказок оказали огромное влияние свойства народной памяти, в частности склонность к обобщениям, возможность запоминать только самое важное и эмоционально окрашенное. Безусловно, оказали воздействие также особенности жанра и время фиксации устного народного творчества исследователями, что привело, например, к наложению памяти о 25-летнем сроке службы на сведения о более современном вооружении войск второй половины XIX века. Если говорить о военных чинах, то запомнились и сохранились в сказках самые основные, определявшие армейскую жизнь солдата, а именно фельдфебель, полковник, генералы и офицеры вообще, и некоторые менее значимые в военной иерархии, но имевшие определенный знаковый смысл для солдата, такие как прапорщик. То же самое можно сказать и о предметах военной формы и знаках различия.

Анализ фольклорных источников показал крайне неприглядный образ военной службы, сформировавшийся у населения Европейского Севера России: очень длительная (25 лет) тяжелая служба под началом глупых, жадных и злых командиров, обязательными элементами которой являются муштра, телесные наказания, издевательства со стороны офицеров и генералов и скудное питание, причем чуть ли не единственной наградой за эту службу является избавление от нее – самовольный побег или отставка. Надо признать, что этот образ довольно-таки точно соответствует историческим реалиям России конца XVIII – первой половины XIX в., хотя очевидно, что ряд важных деталей, например периодическое сокращение сроков службы нижних чинов, остались «не замеченными» составителями сказок. Отчасти причины подобной «невнимательности» кроются в том, что в общественном сознании сокращение продолжительности службы нивелировалось тяжелым характером самой армейской службы. Сохранение в сказках негативного образа «солдатчины», несмотря на то, что в пореформенные годы военная служба проходила в более мягких условиях и стала восприниматься населением не как тяжкая повинность, а как обязательный этап становления мужчины, можно рассматривать как следствие жанровой особенности сказок и свойств исторической памяти. Заслуживает отдельного внимания то, что негативный образ военной службы явно диссонировал с положительным образом солдата на службе, который, даже если является выходцем из маргинальных слоёв общества, является человеком храбрым, сметливым и весёлым. В то же время в бытовых сказках и в тех, где солдат выступает как второстепенный персонаж, его образ тяготеет к отрицательному, ему приписываются такие черты, как жестокость, бессердечие, лживость, склонность к пьянству, воровству и даже убийствам. Прослеживается и еще одна закономерность, когда солдат, находящийся вне армии или

в отставке, предстает в сказках в образе враждебной, чуждой по отношению к народу силы и наделяется отрицательными качествами, он совершает преступления.

В целом же, как показал проведенный анализ, в сказках с достаточной степенью достоверности отражаются реалии службы в армии Российской империи конца XVIII – XIX в. В восприятии населением Европейского Севера России военной службы можно увидеть определенную двойственность в сосуществовании негативного образа собственно военной службы и позитивного образа солдата, находящегося в армии, а также в противопоставлении обладающих набором положительных качеств солдат, находящихся на службе, по одной линии их антиподам-начальникам, по другой линии – тем же солдатам, но находящимся вне армии и потому наделенным негативными качествами. В данном случае видно проявление определенного народного недовольства существующими порядками и действиями государственной власти.

Список литературы

1. **Баяндин В. И.** Изменение срока службы в русской армии в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 77-81.
2. **Введенский Г. Э.** Пять веков русского военного мундира. СПб.: Атлант, 2005. 336 с.
3. **Воинский устав о полевой пехотной службе 1797 г.** Смоленск: Типография губернского правления, 1797.
4. **Волкова И. В.** Русская армия в русской истории. М., 2005. 640 с.
5. **Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н.** Отражение реалий военной службы в России конца XVIII – XIX в. в коми народных сказках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. Ч. 2. С. 43-46.
6. **Доронин П. Г.** Мойд небог. Книга сказок / сост. О. И. Уляшев, В. М. Кудряшева, И. А. Плосков. Сыктывкар, 2004. 464 с.
7. **Зайончковский А. М.** Восточная война, 1853-1856: в 2-х т. СПб., 2002. Т. 1. 928 с.
8. **Иванов Ф. Н.** Формирование региональной сети рекрутских присутствий в Российской империи XVIII-XIX вв. (на примере Вологодской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10. Ч. 2. С. 63-69.
9. **Кормина Ж. В.** Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах Севера и Северо-Запада России XIX-XX вв.): автореф. дисс. ... к. культурологии. М., 2000. 20 с.
10. **Корнилов В. А.** Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2008. Вып. 1. С. 8-24.
11. **Леонов О. Г., Ульянов И. Э.** Регулярная пехота: 1698-1801. М., 1995. 296 с.
12. **Народные русские сказки А. Н. Афанасьева:** в 3-х т. М., 1958. Т. 3.
13. **Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (НА Коми НЦ УрО РАН).** Ф. 15. Оп. 1.
14. **Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии.** Вологда, 1960.
15. **Прудников Ю. Ф.** Комплектование русской армии (1794-1804 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1972. 22 с.
16. **Редигер А.** Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1913. Ч. 1. Комплектование армии.
17. **Свечин А. А.** Эволюция военного искусства. М., 2002. 864 с.
18. **Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова.** СПб., 2008. 748 с.
19. **Сказки.** М., 1989. Кн. 2. 576 с.
20. **Сказки.** М., 1989. Кн. 3. 624 с.
21. **Сказки и песни Вологодской губернии.** Вологда, 1965.
22. **Сказки народа коми. Коми мойдъяс** / сост. Н. С. Коровина. Сыктывкар, 2009. 496 с.
23. **Сказки, песни, частушки Вологодского края** / сост. В. В. Гура. Вологда, 1965.
24. **Ульянов И. Э.** Регулярная пехота 1801-1855 / художник О. К. Пархаев; прил. И. Э. Ульянов. М.: АСТ, 1996. 248 с.
25. **Фольклор народа коми.** Архангельск, 1938. Т. 1. Предания и сказки. 326 с.
26. **Шепелев Л. Е.** Титулы, мундиры, ордена в Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/research/shepelev1/index.html> (дата обращения: 28.06.2013).

MILITARY SERVICE REALITY REFLECTION IN FAIRY-TALES OF POPULATION OF EUROPEAN NORTH OF RUSSIA AT THE END OF THE XVIIITH – IN THE XIXTH CENTURY

Volokitina Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Culturology

Ivanov Fedor Nikolaevich, Ph. D. in History

Syktывkar State University

anjis@rambler.ru; fedor-ivanoff@mail.ru

The article analyzes the fairy-tales of Northern European Russia population (Arkhangelsk and Vologda provinces) in terms of identifying the reality of military service in the Russian Empire at the end of the XVIIIth – in the XIXth century. The subsequent reconstruction of military service image among the population is carried out. In addition, the article deals with the topic of the relationship between military and civilian population, which is reflected in the fairy-tales of the peoples of the above-mentioned area.

Key words and phrases: military service; European North of Russia; fairy tales; folklore; historical legacy.